

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
глава 1. ВВОДНАЯ	9
глава 2. КАК ДУМАТЬ О ЖИРЕ. Обзор различных точек зрения	30
глава 3. КАК УПРАВЛЯТЬ ТУЧНЫМИ ТЕЛАМИ	57
глава 4. ТРАНСГРЕССИВНОЕ ТУЧНОЕ ТЕЛО	95
глава 5. БЫТЬ/ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ТУЧНЫМ	137
глава 6. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЖИРА. Фэт-активизм и политика принятия размеров своего тела	154
Глоссарий.	198
Библиография	201

Предисловие

ПЕРВОЕ издание «Жирных» вышло в 2012 г. — к тому моменту уже какое-то время неуклонно возрастал академический интерес к дискурсам, практикам и политике, окружающим тучные тела. Сейчас, несколько лет спустя, эта тема по-прежнему остается точкой, в которой пересекаются разнообразные и противоречивые позиции по вопросу идентичности и телесности. Паника по поводу так называемой эпидемии ожирения немного улеглась — возможно, потому что новостные медиа утратили к ней интерес и в фокусе государственной политики в области здравоохранения оказались другие вопросы. Тем временем взгляды фэт-активистов проложили себе путь в общественную дискуссию по поводу ожирения, хотя и сталкиваясь с сопротивлением и отрицанием. Ряд тем, которые я рассматриваю в первом издании, претерпели дальнейшую эволюцию, появились новые исследования, уделяющие более пристальное внимание интерсекциональным аспектам тучной телесности: какое влияние на индивидуальный опыт оказывают социальный класс, этническое происхождение или раса, половая идентичность, возраст и географическое местоположение. Дискуссия разгорелась также и по вопросу о том, кто может выступать от лица тучных людей или подвергать критическому анализу политику, проводимую в от-

ношении ожирения, — должны ли они сами быть тучными людьми, или другим тоже позволено принимать участие в дебатах?

С тех пор как было выпущено первое издание этой книги, в массовой культуре произошел поворот в сторону визуального и человеческие тела любой формы и размера получили новое, более активное и всестороннее освещение в новых цифровых медиа. Благодаря этим медиа фэт-активисты и активисты бодипозитива получили возможность быть больше на виду и привлекать внимание к своим идеям и убеждениям. Тем не менее худое и подтянутое тело продолжает доминировать на этих новых цифровых площадках в качестве идеального образа тела, часто под знаком «фитнесмании» (fitspiration). Социальные сети способствуют тому, что порицание и стигматизация тучных людей усиливаются, и подобные установки, быстро распространяясь, охватывают все более широкую аудиторию. Новые цифровые медиа и устройства продвигают культуру интенсивного мониторинга состояния своего тела, параметры которого постоянно сравниваются с определенными нормами. На рынке появилось огромное количество приложений и портативных гаджетов, которые позволяют подсчитывать калории, измерять физическую активность и следить за весом тела, чтобы соответствовать этим идеалам. Таким образом, цифровые медиа подвергают тела всех размеров еще более пристальному вниманию, чем раньше, выставляя их напоказ и делая их объектом постоянного оценивания как на частном, так и на общественном уровне. Подобные темы и проблемы я рассматриваю во втором дополненном издании своей книги.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Второе издание книги дополнено материалами из статей, опубликованных в научных журналах.

Lupton D. (2014). “How do you measure up?” Assumptions about “obesity” and health-related behaviors and beliefs in two Australian “obesity” prevention campaigns // *Fat Studies*. Vol. 3. No. 1. P. 32–44.

Lupton D. (2015). The pedagogy of disgust: the ethical, moral and political implications of using disgust in public health campaigns // *Critical Public Health*. Vol. 25. No. 1. P. 4–14.

Lupton D. (2017). Digital media and body weight, shape and size: an introduction and review // *Fat Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 119–134.

Глава 1

Вводная

КАК-ТО вечером, переключая каналы, я наткнулась на эпизод американской версии реалити-шоу «The Biggest Loser»¹. Кажется, это был финал, поскольку три оставшихся участника соревновались за окончательную победу. С болезненным любопытством я какое-то время наблюдала за чередой флешбэков, в которых детально раскрывался «путь» каждого из состязавшихся. Нацеленность этой телепрограммы на унижение, порицание и наказание участников просто поражала воображение. Нам показали, как участники с самого начала программы каждую неделю демонстрировали свои тела: женщины — в едва прикрывающих тело топах и шортиках, а мужчины — в шортах. В таком одеянии свисающие складки кольшущейся плоти были выставлены на всеобщее обозрение — для зрителей в студии и телеаудитории. В одном из флешбэков показали, как каждый из участников первый раз публично взвешивался. Они вставали на весы, и их избыточный вес отображался в цифрах гигантского размера — ведь их ждала поистине титаническая задача, достойная Гаргантюа: сбросить вес до такой степени, чтобы «прийти в норму».

¹ Игра слов: loser — 1) неудачник; 2) тот, кто теряет (вес). Российский вариант шоу под названием «Взвешенные люди» выходит на канале СТС. — *Примеч. пер.*

Выражение лиц участников и их слова свидетельствовали о глубоком чувстве стыда и унижения из-за собственной тучности. Например, одна женщина в тот момент, когда ей впервые пришлось продемонстрировать свое «ожирение», объявила, что ее тело внушает ей «отвращение». Флешбэки показывали, какому ежедневному наказанию подвергалась плоть участников, выполняющих мучительные упражнения, в то время как стройные, накачанные личные тренеры грубо на них орали, якобы «подбадривая» их и побуждая упорнее работать над своим телом. Участники обливались потом, у них краснели от натуги лица, одного из них даже вырвало от перенапряжения, они жаловались на боль и страдания из-за тренировок. Тем не менее в заключительном эпизоде шоу все три финалиста объявили, что «оно того стоило». Все они сбросили очень много и выглядели если не худышками, то, во всяком случае, людьми «нормального размера». Все как один прокомментировали, что, сбросив вес, они «вернули себе свою жизнь», как если бы тучные тела определяли до того момента их судьбу.

В сезоне 2012 г. австралийского шоу «The Biggest Loser» все внимание было сосредоточено на одиночестве и отчаянии, от которых страдали участники, прошедшие отбор в шоу как раз по той причине, что у них не было партнера и они отчаянно «искали любви». Их принуждали публично обнажать не только свои тела для ритуального взвешивания, но и души. Так, например, в проморолике передачи один из участников-мужчин указывал на свое тело со словами: «Посмотрите на меня — никто такое не полюбит!» Другой мужчина произносил: «Я готов к любви!», в то время как на экране вспыхивали слова «Полюби себя!»

Посыл такого рода телепередач совершенно очевиден. Тучные люди одиноки, их никто не любит, они эмоционально неустойчивы и подвержены печали; они заслужи-

вают наказания в виде мучительных упражнений и суровой диеты; они как дети, которые нуждаются в строгой авторитетной фигуре, которая силой привьет им привычку к здоровому образу жизни, ведущему к похудению. В установке на любовь в сезоне 2012 г. содержались две мысли: тучные люди не любят себя, в противном случае они бы не позволили себе набрать такой вес; из-за их тучности никто не испытывает к ним сексуального влечения. Такие люди представляли как внушающие одновременно и жалость, и презрение.

Как показывает подобного рода публичное унижение тучных людей, в современных западных обществах тучное тело стало точкой приложения стигматизирующего дискурса и практик, нацеленных на дисциплинирование, нормализацию и обуздание тучности. Несмотря на то что во многих западных странах тучных людей больше, чем худых, тучные люди по-прежнему маргинализируются, к ним относятся с насмешкой и даже отвращением. Такое впечатление, что в самой культуре заложено нечто, что заставляет отторгать тучность, которая рассматривается как подлежащая контролю, обузданию и наказанию. И в расхожих, и в экспертных оценках тучные люди предстают как «распустехи» — не только в буквальном, но и в символическом смысле. Их тела — гротескное физическое свидетельство того, что они не в состоянии контролировать свои ненасытные желания. Их плоть вспучивается, расплывается, занимая больше места, чем требуется телу, и вызывая негативную реакцию на свою избыточность. Тучность заслоняет идентичность этих людей, так что другие видят один только жир, а не «настоящего человека внутри», как выразился один из участников шоу «The Biggest Loser». В более широком смысле такая телепередача, а также другие массмедийные жанры, в том числе журналы о знаменитостях, новости, интернет-форумы, посвященные самосовершенствованию, и приложения для

смартфонов и других гаджетов, служат своего рода педагогическими инструментами, которые демонстрируют, какие техники и режимы функционирования своего Я должен использовать человек западной культуры. Они демонстрируют особый тип идеального тела и идеального Я: в строгих границах, подлежащие постоянному контролю и оцениванию, предприимчивые, сами себя производящие (entrepreneurial).

«Жирные» — это книга о том, почему тучное тело подвергается такому суровому осуждению, почему оно является предметом столь интенсивного обсуждения, вращающегося вокруг того, как уменьшить это тело в размерах до приемлемых, с точки зрения социума и медицины, пропорций. Она посвящена живому опыту тучной телесности: каково это — быть тучным в жирофобном обществе. Но прежде всего это книга о жире как культурном артефакте: телесной субстанции и телесной форме, которые в контексте западных обществ первых десятилетий XXI в. осмысляются сквозь призму сложных и постоянно меняющихся систем дискурсов, практик, эмоций, материальных объектов и межличностных отношений. Сам по себе жир никаким смыслом не обладает. Тучность проживается, изображается и регулируется только в рамках исторического, социального и культурного контекста, который наделяет ее смыслом, точно так же как другие телесные характеристики или черты — цвет кожи или волос, молодость, рост — приобретают значение только в зависимости от контекста. Эти значения обладают подвижностью и изменчивостью, они меняются вместе с контекстом. Чтобы объяснить феномены, связанные с тучностью, нужно рассмотреть более общие вопросы, касающиеся человеческого тела и человеческого Я.

Прежде чем рассуждать о весе и размере тела, необходимо обсудить терминологию и понять, по каким критериям осуществляется выбор между такими определениями,

как «тучный» («жирный»), «с избыточным весом» или «страдающий от ожирения». В контексте возникновения фэт-активизма этот выбор становится все более политически обусловленным и вызывающим разногласия. Многие исследователи и активисты предпочитают использовать термин «жирный» («тучный»), а не «с избыточным весом» или «страдающий от ожирения», считая, что в эти понятия заложен нормативный и патологизирующий смысл [Wann, 2009, р. xii]. Они полагают, что «ожирение» — это медицинский термин, который автоматически относит тучность к разряду патологий. Таким образом, говоря о человеке, что у него «ожирение», мы тем самым превращаем его в медицинский случай: он страдает от болезни «ожирение», он вне нормы, его здоровье подвергается огромному риску и ему требуется медицинское вмешательство, чтобы снизить вес. Фэт-активисты отвергают такие термины, как «недостаточный вес», «нормальный вес» и «избыточный вес», потому что эти понятия подразумевают, что существует некий идеальный вес без отклонений, к которому люди должны стремиться [Rothblum, 2012].

Подобно тому как геи, лесбиянки, бисексуалы и трансгендеры приняли решение использовать для собственных целей некогда уничижительное слово «квир», превратив его в позитивную самоидентичность и политический термин, ряд исследователей и активистов стремятся использовать слово «тучный» («жирный») для позитивного описания дородных людей. Эти авторы, признавая уничижительные коннотации слова «жирный», устоявшиеся за века стигматизации и морализаторского изображения тучного тела, тем не менее полагают, что этот термин по крайней мере находится за пределами медицинского дискурса. Как утверждает известная фэт-активистка Мэрилин Уонн [Wann, 2009, р. xii], «в слове “жир” нет ничего негативного или грубого, если только специ-

ально не вкладывать в него такой смысл; использование этого слова в дискриптивном, а не дискриминирующем значении поможет избавиться от предрассудков». Отдавая дань политической заряженности терминологии, сложившейся вокруг проблемы веса, я также предпочитаю использовать в своей книге слово «тучный» («жирный»), а не «с избыточным весом» или «с ожирением».

КАК ВОЗНИКЛА «ЭПИДЕМИЯ ОЖИРЕНИЯ»

Тучность стала предметом пристального интереса начиная с последнего десятилетия XX в. Врачи, специалисты в области здравоохранения и ученые начали активно писать о явлении, которое получило расхожее название «эпидемии» или «кризиса ожирения». В медицине и здравоохранении тучное тело давно уже ассоциировалось с нездоровьем, но именно в этот период произошло беспрецедентное усиление внимания специалистов и ученых к негативному воздействию ожирения на состояние здоровья и экономики. Пик озабоченности «эпидемией ожирения» пришелся на середину 2000-х. Журнал «Time» объявил 2004 г. «Годом ожирения». В том же году Всемирная организация здравоохранения приняла Глобальную стратегию по режиму питания, физической активности и здоровью, а центры по контролю и профилактике заболеваний предсказывали, что неправильное питание и отсутствие физических упражнений унесет в США больше жизней, чем табакокурение [Herrick, 2009, p. 53].

С 1990-х годов в отчетах медицинских организаций и учреждений здравоохранения стала проводиться идея о том, что в наше время гораздо больше людей, по сравнению с предыдущими эпохами, страдают от избыточного веса или ожирения; это в свою очередь стало ассоциироваться с распространением заболеваний, преждевременной смертностью и более тяжким бременем, которое ло-

жится на системы здравоохранения в странах, затронутых проблемой ожирения, т.е. в подавляющем большинстве развитых стран. Ряд специалистов в области здравоохранения утверждали, что эпидемия ожирения принимает глобальный характер (так возник неологизм «глобожирение»), поскольку развивающиеся страны усваивают пищевые привычки западных наций, что приводит к увеличению в этих странах числа людей с избыточным весом [Lifshitz, Lifshitz, 2014; Swinburn et al., 2015]. Такого рода заявления привлекли внимание новостных СМИ, которые сочли этот новый кризис в области общественного здоровья достойным всестороннего освещения и выпустили множество репортажей на эту тему. Правительства стали спонсировать различные форумы и дискуссионные площадки, создавать рабочие группы, комиссии и стратегические планы, разрабатывать директивы, направленные на сдерживание кризиса ожирения; возникли программы по укреплению здоровья населения, призванные информировать людей о проблеме и помогать ее решать; внедрялись специально разработанные для школ и рабочих мест меры контроля за весом. Коммерческий сектор в свою очередь воспользовался этой возможностью, чтобы разработать и запустить на рынок продукцию, нацеленную на снижение веса и предназначенную для тех, кто все больше узнавал о связанных с ожирением рисках для здоровья, широко освещавшихся на всех публичных площадках.

Недавно опубликованные в медицинских журналах статьи призывают создать государственное финансирование для проведения бариатрических операций (устранение лишнего веса) в случаях «угрожающего здоровью ожирения» (т.е. экстремального с точки зрения индекса массы тела ожирения). Такие операции включают желудочное шунтирование (в просторечии — ушивание желудка) и желудочный бандаж — на желудок накладывается кольцо, которое разделяет его на верхний и нижний

отдел, чтобы снизить объем поглощаемой и усваиваемой пищи (это экстремальное вмешательство в случае очень серьезной медицинской проблемы). Пропагандирование бариатрической хирургии — в массмедиа рассказывается о знаменитостях, подвергшихся такой процедуре, — предполагает, что тучность не просто болезнь, но болезнь, требующая радикального медицинского вмешательства. Частые случаи ухудшения качества жизни и хронических побочных эффектов этой операции, таких как постоянная тошнота или рвота, изменения в кишечном тракте и обвисание кожи, в подобных сообщениях полностью игнорируются [Groven, Råheim, Engelsrud, 2013; Ortiz, Kawachi, Boyce, 2017].

ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕСА/ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИРА: КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Реакцией на то, что ожирение было объявлено новым серьезным кризисом общественного здоровья, стало пристальное внимание к теме тучности со стороны значительного числа исследователей и специалистов по социальным и гуманитарным наукам, которые подошли к этой проблеме с критических и аналитических позиций. Критические исследования, посвященные тому, как тучные люди изображаются и воспринимаются как в экспертной, так и в популярной культурах, публиковались еще с конца 60-х, в особенности фэт-активистами, но лишь сравнительно недавно, на фоне возрастающей медиализации и патологизации тучности, стал формироваться обширный корпус литературы и возникла самостоятельная область исследования. На рубеже веков стали проводиться конференции, посвященные критическому анализу дискурса ожирения. Серия международных конференций «Стигма веса», как следует из самого названия, сосредоточена вокруг проблемы фэт-шейминга, дискриминации и стигмы. Эти мульт-

тидисциплинарные конференции проводятся ежегодно с 2013 г. Растет число интересных публикаций — монографий и сборников, — посвященных социальным, культурным, историческим и политическим аспектам тучности, в научных журналах появляется все больше статей на эту тему.

Антропологи рассматривают эту проблему с точки зрения кросс-культурного подхода: предмет их исследования — то, как тучность изображается и воспринимается в западных обществах. Социологические и социально-психологические работы о тучности акцентируют внимание на том, как тучные люди оказываются в маргинализованной социальной группе, и ставят своей задачей выявить господствующий дискурс, наделяющий смыслом тучную телесность. С точки зрения специалистов по социальной и критической географии, для понимания культурно-социальных аспектов тучной телесности особенно важно измерение пространства и места. Гуманитарные дисциплины предлагают историческую перспективу, позволяющую увидеть, как тучная телесность осмысливалась, изображалась и переживалась в западных обществах разных эпох. Специалисты по литературоведению, культурологии, исследованиям в области медиа, исследованиям науки и технологий изучают доминирующие репрезентации тучности в литературе, изобразительном искусстве, театре, массмедиа, цифровых медиа и медицине. Ряд влиятельных философов либо непосредственно описывают онтологию тучной телесности, либо предлагают проницательные размышления о теле, которые используются специалистами в области социальных и гуманитарных наук, разрабатывающими теорию тучной телесности.

Слово «жир» в описании тучной телесности стало настолько популярным, что возникла даже особая область академического исследования и преподавания — «исследования жира» (*fat studies*). В своем введении к кни-

ге «Исследования жира: хрестоматия» («The Fat Studies Reader»), основополагающему сборнику работ с критикой доминирующих в культуре изображений жира, Уонн [Wann, 2009, p. ix] определяет исследования жира как «радикальную область исследований, которая стремится прийти до самой сути системы убеждений, связанных с телесным весом». Она утверждает, что исследования жира должны отвергнуть следующие допущения: «что тучные люди могут (и должны) сбросить вес... что тучность — это болезнь, тучные люди не обладают хорошим здоровьем и долго не живут... что худые люди красивы, а толстые безобразны» [Ibid.]. Теперь у этой междисциплинарной области исследований есть свой собственный научный журнал «Fat Studies», первый номер которого вышел в 2012 г.: издатели и редколлегия явно не сомневались, что научный интерес к этой области будет поддерживаться достаточно долго. Ряд ученых, пишущих на эту тему, предпочитают обозначать свою деятельность как «критические исследования веса» или «критические исследования ожирения». Акцент делается на слове «критические», поскольку эти исследователи стремятся выявить и оспорить некритически воспринимаемые представления об ожирении/тучности, господствующие в массовом дискурсе, а также в биомедицинской литературе и литературе из области здравоохранения.

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ОЖИРЕНИЯ»

Одна из главных претензий авторов, критически рассматривающих проблему тучности, касается социально сконструированной природы «эпидемии ожирения»: отсюда частое использование в литературе кавычек, в которые заключено это словосочетание, чтобы подчеркнуть его спорный смысл. Как уже много лет утверждают специалисты по гуманитарным и социальным наукам, знание в

области биомедицины и здравоохранения не является очевидным, состоящим из вечных «истин», которые только и ждут того часа, когда их «обнаружат» исследователи. Как и в случае с любым видом знания, эти системы знания представляют собой социокультурные конструкты, обретающие смысл вследствие принимаемых исследователями решений: какие проблемы изучать, какие методы сбора данных использовать и каким образом анализировать и интерпретировать полученные данные. С этой точки зрения все болезни и физические состояния также являются социальными конструктами. Я не хочу сказать, что все эти феномены не обладают биологическими, материальными проявлениями, но физические проявления неизбежно подвергаются интерпретации и воспринимаются в зависимости от существующих установок и представлений, которые сами непрерывно меняются.

На такой подход к медицинскому знанию и болезням повлияла обширная литература по социологии и антропологии тела, возникшая за последние 40 лет. Авторы, занимающиеся социологией и антропологией тела, исследуют человеческое тело как сложную структуру, точку пересечения биологии, общества и культуры. Они находятся под влиянием постструктуралистского взгляда на взаимосвязь социальных процессов, дискурса и властных отношений, в особенности идей французского философа и историка Мишеля Фуко. «Дискурс» в постструктуралистском подходе понимается в широком смысле — как упорядоченный и целостный способ репрезентации и обсуждения людей, событий или явлений, представленный в публичном пространстве: от бытовых разговоров, массмедиа и интернета до экспертных высказываний и текстов. Дискурсы всегда существуют внутри конкретного исторического, политического и культурного контекста. Дискурсы отражают и закрепляют расхожие представления, определяя то, как мы осмысливаем и проживаем свою телесность, как мы

обращаемся с собственным телом. Анализ дискурса стал популярным жанром критического разбора того, как различные формы человеческой телесности репрезентируются в массмедиа, экспертной литературе и в частных сообщениях людей о том, как они осмысливают и переживают свою телесность [Jacobus, Keller, Shuttleworth, 1990; Lupton, 1992; Mitchell, Snyder, 1997].

Понятие дискурса часто используется в качестве важного концепта в исследованиях жира/критических исследованиях веса. Такого рода разборы не просто деконструируют дискурсивное измерение тучности, они также стремятся выявить измерение власти в подобных репрезентациях. Те, кто занимается исследованиями жира/критическими исследованиями веса, часто задаются следующими вопросами: чьи интересы обслуживаются благодаря воспроизведению доминирующего дискурса о тучности? Какие практики создаются, оправдываются и поддерживаются этими дискурсами? Каким образом эти дискурсы поддерживают различие между Я и Другим? Можно ли сопротивляться этим дискурсам и практикам, можно ли их разрушить?

Согласно постструктуралистскому подходу к проблеме тучности состояние под названием «ожирение» возникло только после того, как было принято решение присвоить это наименование определенному сочетанию телесных характеристик. Сам ярлык «ожирение» присваивается определенным индивидам в соответствии с индексом массы тела (ИМТ), который в свою очередь является результатом решения ввести специфические телесные характеристики в математическую формулу, чтобы на выходе получить число. Точно так же принимается решение произвести произвольную разметку, чтобы обозначить на шкале «недостаточный вес», «нормальный вес», «избыточный вес» и «ожирение». Когда эти «зарубки», опять-таки в произвольном порядке, были сдвинуты вниз

по шкале, еще больше людей стали считаться «страдающими от ожирения» и тем самым больными и подверженными множеству рисков, несмотря на то что масса тела у них осталась такой же, какой была до изменения разметки шкалы. Точно так же никакой «эпидемии ожирения» не существовало до тех пор, пока в игру не были введены определенные способы сбора и оценки данных о массе тела у населения. Такие решения всегда обладают социальной, культурно-исторической и очень часто политической природой.

Критические исследования проблематики ожирения и тучности опираются также на социологическую литературу по теме медикализации [Conrad, 1992; Lupton, 1997; Clarke, Shim, 2011; Ortiz, Kawachi, Boyce, 2017], выявляя и подвергая критике стремление медицины взять под свое крыло определенные телесные феномены или социальные проблемы, тем самым переводя их в разряд подлежащих медицинскому диагностированию и лечению. В истории полно примеров состояний, которые когда-то считались «медицинской проблемой» или «патологией», но затем утратили свой медикализованный статус. Наделение тучности статусом медицинской проблемы [Rasmussen, 2012; Ortiz, Kawachi, Boyce, 2017] происходит по той же схеме, что и некогда медикализация и патологизация таких состояний (conditions), как, например, истерия или гомосексуальность.

Кросс-культурный подход в антропологических исследованиях позволяет выявить различные способы осмысления и переживания размеров и веса тела. Антропологи используют термин «культурно обусловленный синдром» для описания социокультурного конструирования видов патологии [Griffith, 2014]. Болезнь или состояние считаются «культурно обусловленными», если они специфичны для системы представлений, сложившейся в конкретном культурном контексте, например в определенной стране

или подгруппе в пределах той или иной географической зоны. Некоторые антропологи утверждают, что ожирение является таким культурно обусловленным синдромом, специфичным для современного западного культурного контекста. Они указывают, что состояние «ожирения» определяется на основании представлений о том, что тучность — это нездоровье и физическое проявление слабости и отсутствия самодисциплины, а также на основании соответствующих технологий (весы, сантиметровая лента, диетические справочники и т.п.), с помощью которых производятся измерения тучности, чтобы присвоить ей ярлык и начать ее лечить [Ritenbaugh, 1982].

Антропологические исследования показали, что в ряде незападных стран тучность рассматривается как физически привлекательная черта, знак хорошего здоровья и благополучия, а не как примета болезни или отклонения [Kulick, Meneley, 2005; Brewis et al., 2011]. Историки, исследующие концепцию тучности в западных обществах прежних эпох, отмечают, что представления о тучной телесности и способы обхождения с нею изменялись с течением времени [Gilman, 2010; Forth, 2012; 2013]. Это не значит, что тучность лишь недавно стала восприниматься как отталкивающая и вызывающая презрение. Отношение к тучному телу с древности было амбивалентным, лишь в определенных условиях тучность рассматривалась как позитивная телесная характеристика. Хотя в некоторые эпохи тучность считалась знаком здоровья и процветания, тем не менее в культурном восприятии внешнего вида возобладали другие устойчивые идеи, складывавшиеся веками. Со времен Античности философы и врачи говорили о том, что контроль над режимом питания и размерами тела необходим не только для физического здоровья, но и для нравственного. Уже в те времена размер тела ассоциировался со стандартами и принципами надлежащего поведения, позволявшими судить о значимости

и ценности человека [Carden-Coyne, Forth, 2005; Forth, 2012; 2013].

Тучность — динамическая и постоянно меняющаяся категория в современном непрофессиональном сознании и в медицинской культуре. Например, несмотря на то что индекс массы тела, используемый в клинике для обозначения людей как страдающих от «избыточного веса» или «ожирения», очень четко идентифицирует тех, кто подпадает под эти категории, представления о тучности остаются относительными и произвольными. Человек, у которого не нашли клинического ожирения или даже избыточного веса согласно индексу массы тела, тем не менее может считать себя тучным, потому что перестал влезать в одежду, которую носил раньше; в то время как тот, кто всю жизнь обладал дородным телосложением, не считает себя «тучным», даже если так думают о нем другие, потому что это привычное для него телесное состояние. Даже в клиническом контексте тучность зависит от разных обстоятельств. Тому, у кого 35 по индексу массы тела (это «ожирение»), семейный терапевт, скорее всего, посоветует сбросить вес; в то время как тот, кто снизил показатель 65 («экстремальное ожирение») до 35 благодаря желудочному бандажу, с точки зрения своего хирурга больше не считается подлежащим медицинскому вмешательству. Не только сам человек считает себя значительно похудевшим, но и его врач, который привык наблюдать и лечить пациентов с экстремальным ожирением, полагает, что он «в пределах нормы» или же что у него просто «избыточный вес, как у многих людей», поэтому его тучность вполне приемлемая, а не «опасная» для здоровья [Throsby, 2012, p. 6]. Некоторые критики даже утверждают, что все мы до такой степени интернализировали «жирофобическую ненависть к себе», что даже худые люди недовольны размерами своего тела и испытывают настоятельную потребность в самодисциплине, чтобы оставаться худыми, и что большинство людей «чувствуют себя

толстыми» в те или иные периоды своей жизни [Mitchell, 2005; Burgard et al., 2009, p. 337; Wann, 2009].

«ОЖИРЕНИЕ» ПОД ВОПРОСОМ

На критические исследования и фэт-активизм также повлияли политические движения, связанные с политикой идентичности, телесными различиями и преодолением застоя медицины. Один из таких влиятельных трендов — растущий скептицизм общественности в отношении медицины и стремление образованных слоев общества и представителей среднего класса оспорить авторитет медицины. Важную роль здесь играет интернет, предоставляя пользователям альтернативные источники медицинской информации: люди могут искать в Сети интересующие их медицинские подробности и вступать в группы поддержки, члены которой делятся информацией и личным опытом. Это создает для активистов возможность критиковать медицинское знание и призывать к политическим действиям [Kivits, 2013; Lupton, 2016c; 2017b].

Феминизм второй волны, бросивший вызов доминирующему дискурсу женской телесности, стал влиятельнейшим предшественником фэт-активизма и критических исследований, посвященных тучности. Подавляющее большинство фэт-активистов — женщины, называющие себя феминистками. В 1980-х, 1990-х годах и в начале XXI в. авторы феминистского толка выпустили множество важных книг и статей о социокультурных аспектах расстройств пищевого поведения, таких как анорексия, булимия и компульсивное переедание, и их связи с концепцией идеального — худого — женского тела (см., напр.: [Bordo, 1993; van't Hof, Nicolson, 1996; Malson, 2003; Squire, 2003]). С начала века в ответ на дискурсы и практики борьбы с ожирением их критический фокус сместился в сторону исследования того, каким образом идеи женской

телесности пересекаются с культурными представлениями о тучности. Интересно, что обе эти темы соотносят размеры тела, идеал женской телесности и контроль над телом с питанием и упражнениями. Об этом мы будем говорить в последующих главах.

Гей-, или квир-движение также повлияло на фэт-активизм и академические исследования, посвященные тучности. Близкое сходство прослеживается между исследованиями жира/критическими исследованиями веса и социокультурными исследованиями ВИЧ/СПИД. Когда ВИЧ/СПИД возник как новое медицинское явление в начале 1980-х годов, то, поскольку впервые он был обнаружен у мужчин-геев в связи с их сексуальными практиками, вокруг него сложился комплекс моральных суждений, наделявших его как медицинским, так и бытовым значением. Представители социальных и гуманитарных дисциплин создали значительный корпус исследовательских текстов, выявляющих и подвергающих критике эти значения, а также осмысливающих социокультурные аспекты ВИЧ/СПИД (см., напр.: [Patton, 1986; Bersani, 1987; Watney, 1987; Carter, Watney, 1989; Lupton, 1994]). Важной частью критических исследований ВИЧ/СПИД был политический активизм. Гей-активисты, как и фэт-активисты, стремились развенчать стигматизирующий моралистический дискурс, сложившийся вокруг этого состояния. Таким образом, академические исследования и культурный активизм вокруг ВИЧ/СПИД, а также исследования и политический активизм феминизма во многом создали почву для возникновения фэт-активизма и исследований жира.

Еще одно социальное движение и область академического интереса, обнаруживающие большое сходство с исследованиями жира и критическими исследованиями веса, — это критические исследования инвалидности. «Социальная модель» инвалидности рассматривает ин-

валидность как социальный конструкт. Сторонники этого подхода утверждают, что люди с ограниченными телесными возможностями или расстройствами, создающими отклонение от нормы, оказываются стигматизированными и исключенными из социума, поскольку их изображают неполноценными [Hughes, Paterson, 1997; Shakespeare, 2006]. Те, кто отстаивает социальную модель, оспаривают представление об инвалидности как о «личностном дефиците» и указывают на нехватку физического пространства, фондов и служб поддержки для людей с инвалидностью. Они утверждают, что подлинный источник «инвалидности», «недееспособности» этих людей — это неспособность общества создать приемлемые условия для людей с физическими или интеллектуальными отклонениями от нормы. Активисты, занимающиеся проблемами инвалидности, требуют улучшения качества служб поддержки для инвалидов, а критические академические исследования инвалидности изучают социокультурные аспекты инвалидности [Mitchell, Snyder, 1997; Shildrick, 2012; Goodley et al., 2017]. Некоторые авторы, пишущие о тучной телесности, утверждают, что тучность надо рассматривать как инвалидность, и с этой целью заимствуют ряд теоретических положений, разработанных критическими исследованиями инвалидности (об этом я буду более подробно говорить дальше). В более широком смысле и тех, и других исследователей (тучности и инвалидности) объединяет общее стремление выявлять и оспаривать стигму, маргинализацию, исключение и порицание, возникающие в качестве реакции на ненормативные телесные особенности и возможности.

Множество критических исследований ожирения привлекают внимание к разнообразию культурных форм, отображающих человеческую телесность. Начиная с конца XX в. было опубликовано множество работ в области гуманитарных и социальных наук, посвященных изображе-

нию тучности в литературе, кино, новостных репортажах, здравоохранительных кампаниях и рекламе. Когда в масс-медиа стала широко освещаться «эпидемия ожирения», фокус критических исследований сместился на негативное изображение тучной телесности. Исследователи пытались критиковать такое стигматизирующее изображение тучности и его воздействие на то, как мы воспринимаем и проживаем свою телесность и идентичность.

Прежде у людей было не очень много возможностей реагировать в форме сопротивления или активизма на негативное изображение их телесности в массмедиа, но с появлением интернета и цифровых технологий возникли новые медиа, предлагающие пользователю возможность гораздо более активного вовлечения. Новые цифровые медиа и устройства, особенно появившиеся в последнее десятилетие, опирающиеся на идеал совместного использования и демократии участия [Beer, 2013; van Dijck, 2013; John, 2017], дали людям всех телесных типов возможность не только потреблять медиаконтент, но и самим его создавать, комментировать, делиться в соцсетях и управлять им.

Визуальные изображения различных типов человеческой телесности оказывают огромное влияние на то, как воспроизводятся и создаются нормы и представления об идеальном и маргинализированном теле. Селфи, или автопортрет с помощью смартфона, — один из примеров того, как цифровые устройства и соцсети способствуют производству и широкой циркуляции образов себя [Rettberg, 2014; Hess, 2015; Senft, Baum, 2015]. Гифки и мемы — еще один пример визуального отображения человеческой телесности. Гифки — это очень короткие закольцованные видео без звука, а мемы — картинки с остроумными подписями. Они активно используются в качестве реакции на что-то или для передачи настроения. Пользователи могут создавать их сами или просто делиться ими с другими пользователями. Еще один способ передачи инфор-

мации — хештег, повсеместно используемый в соцсетях (особенно на таких платформах, как Instagram, Tumblr и Twitter), чтобы привлечь внимание, сделать отсылку, пометить тему, группу или сообщество.

Все это происходит в сложной кроссплатформенной среде: формы и практики цифровой репрезентации постоянно меняются, в цифровых медиа все интенсивнее идет процесс конвергенции, они становятся самореферентными. Цифровые медиа и устройства — это социокультурные артефакты. Как и любой вид материальной культуры, эти артефакты можно изучать и подвергать критическому анализу, чтобы понять, как именно они создают и воспроизводят доминирующие нормы, нравственные ценности, мнения по умолчанию и практики, касающиеся веса, размеров и формы человеческого тела [Lupton, 2014]. В этой книге я постоянно ссылаюсь на критические разборы изображения в новостных медиа тучности и других форм человеческого тела и показываю, как эти исследования используются для того, чтобы сопротивляться фэт-шеймингу и стигматизации.

ОБЗОР ГЛАВ

В главе 2 я рассматриваю разные способы «думать о жире»: с точки зрения борьбы с ожирением, критического биохимического подхода, либертарианского подхода, с точки зрения этики, критических исследований веса/исследований жира и фэт-активизма. Мы поговорим о выдающихся теоретиках, чьи работы были использованы в социокультурном анализе жира, и тем самым очертим теоретический контекст, необходимый для наших дальнейших рассуждений.

В главе 3 речь пойдет о том, как осуществляется управление телом в дискурсе ожирения. Здесь мы будем преимущественно опираться на такие фукианские концеп-

ты, как правительность, биовласть, биополитика и практики себя, чтобы показать, какой вклад вносят дискурсы медицины и здравоохранения в представления о теле как нуждающемся в дисциплине, мониторинге и надзоре для выявления и предотвращения ожирения.

В главе 4 рассматриваются нравственные смыслы, лежащие в основе современных представлений о тучности, а также склонность считать тучное тело гротескным и трансгрессивным, вызывающим глубокое чувство отвращения. В этой главе я утверждаю, что тучное тело бросает вызов доминирующим представлениям о контроле над границами тела и таким образом представляет угрозу для идеализированных образов Я и телесности, а также социального порядка.

В главе 5 я исследую телесное переживание тучности: что такое быть тучным, ощущать себя тучным. Я опираюсь на эмпирические данные исследований, в ходе которых опрашивались тучные люди, а также на работы исследователей, занимающихся проблемой жира, посвященные опыту переживания тучности, и на материал из соцсетей и других интернет-источников.

В главе 6 рассматривается движение фэт-активистов, их политика и дискурс в отношении тучного тела. В ней также освещаются дебаты по поводу политики принятия размеров своего тела и того, кто имеет право говорить о тучной телесности.

Книга завершается рядом коротких заключительных комментариев о том, можно ли утверждать, что влияние дискурса ожирения стало ослабевать, и о природе и источниках сопротивления этому дискурсу, а также обзором важнейших тем, лежащих в основе дискуссий, о которых идет речь в книге.